

наш взгляд, как и предлагаемый термин, так и собственно идея Вайна весьма уязвимы для критики, однако мы упомянули данную книгу не ради полемики (формат статьи несколько иной), а в подтверждение тезиса об активном «вторжении» на «поле» научной рефлексии специалистов-практиков.

Впрочем, в качестве своеобразного контраргумента Вайну приведем мнение опять же не ученого, а обозревателя газеты «Известия» Т. Бетеновой. То, что журналист российского «либерального» издания обращается к традиционным ценностям, самое, наверное, убедительное свидетельство востребованности в современном обществе духовно-нравственных архетипов!.. Т. Бетенева весьма эмоционально, искренне убеждает аудиторию газеты, что любое человеческое действие становится общественно значимым и личностно привлекательным, если совершается в контексте основополагающей идеи. Иными словами, четко осознаваемый идеал определяет бытие социума, функционирование всех общественных институтов, образования в первую очередь. Приведем несколько фрагментов публикации, подтверждающих вышесказанное:

«Если главной его (общества. – *В.В.*) целью становится приобретение, накопление, пусть даже борьба с нищетой, пусть даже выравнивание жизненного уровня для всех – этого все равно мало. Нужна великая идея, которая поднимает самосознание, придает гордости и самоуважения всем вместе и каждому в отдельности: мы смеем, мы можем, я могу. <...>

Великие идеи, скорее всего, бесконечно и недостижимы, но вдохновляют на всем пути к ним: каждый малый успех, каждое приближение придает сил и уверенности в том, что все получится. <...>

Вы скажете: и БАМ построят, и в космос полетят за деньги? Ну да, полетят и построят. Только это будут совсем другие стройки и другие полеты. На каких-то таких коротеньких ножках. И без слез гордости на глазах тысяч, а то и миллионов людей. Выживать без великих идей можно. Побеждать нельзя» [3].

В развитие сказанного сошлемся на публикации еженедельников «Аргументы и факты» и «Литературная газета», в идейной основе которых, – та же тоска по духовному, по идеалу, чье отсутствие лишает действительность общезначимых перспектив. Именно в этом – философский пафос беседы с народным артистом России С.Ю. Юрским [7], аналогичное настроение и в интервью «Ситуация карнавала. Она заканчивается вселенским хаосом» [8] – оба материала вышли весной 2010-го года. Приведем фрагмент последней публикации: «Может быть, сейчас нужен некий собирательный образ героя, которому можно подражать?» – спрашивает журналист «Литературной газеты» С. Макулов

доктора психологических наук, профессора факультета психологии МГУ Л. Матвееву, и та отвечает: «... всмотритесь в нынешних книжных героев так называемой массовой литературы – в персонажей Минаева, Акунина, Пелевина, да разве они могут быть ориентиром поведения для молодого поколения? Это все герои-разрушители, а для наших реалий требуются другие люди – созидатели».

Убежден, что подобные публикации не должны оставаться вне поля зрения научных специалистов, ибо в них зачастую поднимаются действительно актуальные проблемы современного социума.

Список литературы

1. Балла О. Время и другой: Средние века в европейском историческом самочувствии // Балла Ольга. Примечания к ненаписанному. Статьи, эссе. – Franc-Tireur. USA, 2010. – С. 120–135.
2. Балла О. «Я» – это кто? // Балла Ольга. Примечания к ненаписанному. Статьи, эссе. – Franc-Tireur. USA, 2010. – С. 94–119.
3. Бетенева Т. Идеи на вырост // Известия. – 14 января 2010. – № 03 (28018).
4. Вайн С. Успех или счастье? Воспитание то ли ребенка, то ли начинающего менеджера. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2008. – 406 с.
5. Возчиков В.А. Корольков А. Восхождение к духовной философии // Возчиков В.А. Книга – явление культуры: Литературоведение, литературная критика, публицистика. – Бийск: НИЦ БГУ им. В.М. Шукшина, 2003. – С. 93–173.
6. Гарднер К. Между Востоком и Западом. Возрождение даров русской души: пер. с англ. А. Кавтаскина; под ред. В. Малявина и В. Махлина. – 2-е изд., репринт. – М.: Наука; Издат. фирма «Восточная литература», 1993. – 125 с.
7. «Интеллигенцию надо возрождать заново!» 16 марта Сергей Юрский отмечает юбилей [Беседа Юлии Шигаревой с С.Ю. Юрским] // Аргументы и факты. – 2010. – № 10. – С. 3.
8. Ситуация карнавала. Она заканчивается вселенским хаосом [Беседа Сергея Макулова с д. психол. н., проф. факультета психологии МГУ Лидией Матвеевой] // Литературная газета. – 31 марта – 6 апреля 2010 г. – № 12 (6267). – С. 14.

ПРОБЛЕМА ЛИЧНОСТИ В ФИЛОСОФИИ ПОСТМОДЕРНА

Иванова С.И.

*Поволжский государственный технологический университет, Йошкар-Ола,
e-mail: ivanova_si@hotmail.com*

Мир постмодерна, в котором мы сейчас живем, характеризуется сверхсложностью, компьютеризированностью во всех сферах, невероятной быстротой течения времени и глобальностью всего происходящего. Сейчас мы можем наблюдать рождение новой среды обитания людей – искусственной абиотической реальности, технократической цивилизации, которая, в свою очередь, рождает нового человека.

Создаются невиданные на Земле искусственные субстраты: химические соединения, электромагнитные поля, генетические монстры. Информация превратилась в самостоятельную сущность, наряду с веществом и энергией. Иногда ее соотносят или прямо ставят на место материи. В виртуально-компьютерном мире она действительно «материя». Кутырев В.А. в своей

работе «Культура и технология: борьба миров» назвал эти процессы «креалитической революцией». Если неолитическая революция была орудийной, то креалитическая – субстанциальная. Информация и техника из средства деятельности человека превращается в среду его обитания [2, 43].

Новая субстанция мира проявляется на всех его уровнях и формах. Торжество искусственного в отношениях между людьми трансформирует общество в социотехническую систему, заменяя непосредственное общение его членов коммуникацией. Связывая людей информационно, коммуникация разделяет их эмоционально. Искусство, религия, мораль, философия, культура в целом переживают тот же этап – рационализируются и интеллектуализируются, становятся беспочвенными, из них выхолащивается спонтанное, чувственное, интуитивное, метафорическое и метафизическое содержание. Даже наука, взятая как открытие и исследование мира, терпит поражение, вытесняясь проектированием и изобретательством, методологией и технологией. В конце концов культура умирает, превращаясь в технологию. Вершиной торжества искусственного стало появление компьютерной реальности, субстанция которой не вещи, а отношения. Социологи давно исследуют проблемы, когда человек отказывается жить в реальном мире и полностью «уходит» в мир искусственный, компьютерный, где живет уже не сам человек, а его «аватар».

Современная наука все более полно охватывает многообразные отношения и связи человека с миром (абиотические и биотические факторы, общество, культура, техника и т.д.). В системе тех или иных связей человек изучается то как продукт биологической эволюции, то как субъект и объект исторического процесса, то как естественный индивид с присущей ему генетической программой развития и определенным диапазоном изменчивости [3, 18].

Западные и отечественные мыслители о постмодернизме и постчеловеке говорят уже около четверти века, однако пока мы не можем утверждать, что постмодерн полностью вытеснил традиционную культуру. Poleмика между модернизмом и постмодернизмом является полемикой между «еще культурой» и «уже техносом», осознаваемым пока как «информационная цивилизация». Культура существует вопреки и благодаря природе. Она ее только трансформирует. Технос же отрицает, превращая не в продукт, а в материал природу как таковую, в том числе ее высший уровень – земную биоту. Из нее устраняются способы регулирования человеческих отношений, обусловленные его природой как телесно-духовного существа, оттесняясь правилами функционирования социо-технической системы.

Модернизм как высшая стадия прогресса, переступая через традиционного, историческо-

го и гуманного человека, оставляет его позади себя. Теряя собственно человеческое содержание и входя в противоречие с естественной субстанцией мира, прогресс приобретает постчеловеческий характер. В социотехнической системе межчеловеческие отношения перестают регулироваться до и вне рациональными способами: чувствами, обычаями, верой, любовью и ненавистью, идеалами, противопоставлением добра и зла, греха и наказания, прекрасного и безобразного. Торжествует принцип пользы, либерализма и расчета, а иррациональность и непредсказуемость событий возникает как результат нелинейности развития и сверхсложности самой социотехнической системы.

Человек как важнейшее звено системы управления машинами и механизмами принимает сложнейшую информацию о ходе технологических процессов, осуществляя управление системой. Положение человека в области материального воспроизводства изменялось неоднократно. Из творца машинного воспроизводства человек превратился в одновременно создающее и зависимое от техники существо. Как верно написал Н.А. Бердяев еще в начале прошлого века: «Все в мире находится под знаком кризиса, не только социального и экономического, но также и культурного, но и духовного кризиса, все стало проблематическим» [1, 31]. С ростом технического прогресса и массовой демократизации культуры связана основная проблема кризиса – проблема личности и общества. Личность, стремящаяся к эмансипации, все более оказывается подавленной обществом, обобществленной, коллективизированной. Это результат процесса отчуждения, вызванного технизацией и демократизацией жизни. Технический и экономический прогресс современной цивилизации превращает личность в свое орудие, требует от нее непрерывной активности, использование каждого мгновения жизни для действия. Уклад жизни современного человека отрицает созерцание и грозит совершенно вытеснить его из жизни, сделать его невозможным. Не каждый человек может выдержать такой темп жизни, отщепление от общества, уход от цивилизации к истокам, природе, отказ от технического прогресса и модернизации стали признаками новой категории современных людей – дауншифтеров. Это совершенно иной способ бегства – бегство в «традиционную реальность».

Постмодернизм – это «метафизика» искусственного, бесприродного, бестелесного и бездуховного компьютерно-виртуального мира. Это – смерть философии как мудрости и даже как мировоззрения. Ее жизнь в том, что продолжает существовать вопреки постмодернизму, сохраняясь вне сферы его распространения. Ее современный основной вопрос – взаимодействие естественного и искусственного, земного и космического, фундаментализма и постмодер-

низма. Философия становится традицией. Как человек – если он целостный, духовный, культурно-исторический.

От культурного многообразия к социотехническому монизму, когда различие между странами состоит в уровне приобщенности к информационно-техническим достижениям – такова суть идеологии общечеловеческих ценностей. Иными словами, текстура есть культура человека, потерявшего связь с природой, окруженного искусственной реальностью извне и пронизанного ею изнутри. Таков образ жизни все большего числа людей и он не может не отражаться в их индивидуальном и коллективном сознании. Постмодернизм как время и исторический этап, текстура как способ бытия в нем есть проявление глобального кризиса культуры, иррадирующего во все другие сферы жизни и меняющего идентичность человека как родового существа.

«Сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений» – писал К. Маркс [2, 38]. И вступая в техническое общество, в Технос, мы воочию видим превращение Homo sapiens, человека культурного и гуманного в нечто техноподобное. Тип общества, развернутый во времени и соотношенный с историей есть его этап. Каждый этап истории коррелятивен «своему» человеку.

Однако по мере и в процессе перерастания культуры в цивилизацию и технос, человек как субъект жизни все чаще выступает в качестве «агента деятельности» – актора. Актор – агент и продукт отчуждения, трансформации закрытых (целостных, тоталитарных), «теплых и душных» обществ в открытые (свободные и холодные).

Перерастание культуры в цивилизацию на человеческом уровне состоит в том, что увеличивается количество мест, профессий, времени, когда личностное поведение не нужно и не только в производстве, но и в межчеловеческих связях, когда оно заменяется расчетом, имиджем, психотехникой – поведением актора. Как цивилизация есть культура, потерявшая душу, так актор есть личность за вычетом ненужной духовности – очищенный разум.

Подлинную угрозу человеку несет полная победа техноса, которая предполагает его превращение из субъекта деятельности в ее фактор – в «человеческий фактор» [2, 28]. Не случайно социология середины XX века заменила этим словом и понятие личности, и понятие актора. Основное отличие человека-фактора от личности и актора в том, что он теряет самостоятельность. Он фрагментаризируется, «размывается» по системе. Инициатива и окончательное решение вопросов в его взаимодействии с внешней средой и друг с другом переходят к технике и технологии.

Мы стоим перед основным парадоксом: без техники невозможна культура, с ней связано самое возникновение культуры, и окончательная победа техники в культуре, вступление в техническую эпоху влечет культуру к гибели. С одной стороны, фундаментальной чертой техники, без которой она немислима ни как материальный, ни как социальный феномен, является принцип преобразования среды, природы, самого человека и общества. Но с другой стороны, развитие самой техники обуславливается конкретными социальными потребностями. Техника, действительно, может характеризовать тот или иной этап развития человечества, но в каждую эпоху выявляются определенные общественные запросы, которые сами стимулируют прогресс науки и техники.

Техника как древнейший вид деятельности человека с момента своего возникновения является уникальным средством преобразования всей действительности. Исторически цивилизация возникла на земле на основе преобразующей деятельности человека и общества. Именно преобразование среды, природы, самого человека и человеческого общества лежит также в основе развития культуры и цивилизации.

Современный человек живет в чрезвычайно динамичной среде, требующей от него многих усилий, мобилизации незадействованных ранее сил и возможностей. Высокие технологии предъявляют высокие требования их создателю и потребителю. Это дает возможность реализовать и развить его интеллектуальные и творческие способности, задействовать больший объем памяти, повышать скорость реакций. Как компьютер, человек нуждается в постоянном усовершенствовании – увеличении скорости работы «процессора», объема оперативной памяти, качества воспроизведения и т.д. Если информатизация соединится с геной инженерией, и микрочип будет внедрен в сознание человека, то граница между ними превратится в условность. Сверх-возможности дают человеку свободу от ограниченности в пространстве времени, но порождают несвободы другого уровня. Несмотря на значительную свободу от физического труда, человек продолжает работать на пределе своих возможностей, соперничая с машиной. Его независимость стала причиной автономности, возможность виртуальной коммуникации – условием одиночества, безграничная свобода нравов – утратой глубины чувств.

Очевидно, что проблематика «природы человека», соотношения его сущности и существования переплетается и отчасти совпадает с проблематикой «смысла жизни», с вопросом о предназначении человека. Насколько человек является хозяином собственной жизни? Что ее детерминирует? Возможен ли момент выбора?

Перспективы этого роста видятся как в дальнейшей тенденции превращения в сверхчеловека, с невероятными возможностями в реальном

и виртуальном мирах, так и в утрате эмоционально-чувственной сферы, сведению ее к гедонизму и утилитаризму. Человек развивается в направлении дальнейшей рационализации, прагматизации, ослабления его связей с другими людьми, семьей, реальным окружением, укрепления его виртуальных контактов, погружения в мир собственных интересов. Последствия этих перемен еще предстоит оценить в будущем.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Человек и машина (Проблема социологии и метафизики техники) // Вопросы Философии. – 1989. – № 2. – С. 25–34.
2. Кутырев В.А. Культура и технология: борьба миров. – М.: Прогресс-Традиция, 200. – 240 с.
3. Юдин Б.Г. В фокусе исследования – человек: этические регулятивы научного познания / Этнос науки. РАН, Институт философии; Институт истории естествознания и техники. – М.: Academia, 2008.

Химические науки

ПЛЕНКООБРАЗУЮЩИЕ ВЕЩЕСТВА И РАСТВОРИТЕЛИ

Боковикова Т.Н., Двадненко М.В.,
Привалова Н.М., Привалов Д.М., Новицкая К.З.
Кубанский государственный технологический университет, Краснодар, e-mail: amra@ok.kz

В настоящее время в качестве пленкообразующих веществ используют алкоксисоединения элементов IV группы и некоторых элементов III и V групп периодической системы, соли легко испаряемых или легко разлагающихся кислот: хлориды, нитраты и ацетаты.

В качестве растворителя могут быть использованы полярные органические жидкости, спиртово-водные смеси. При этом содержание воды, в зависимости от природы пленкообразующего вещества, колеблется от 0,1 до 10–20% масс. В некоторых случаях при получении пленок из смеси нескольких соединений возможно применение и смешанных полярных и неполярных растворителей. Алкоксисоединения растворимы во многих органических жидкостях, однако при изготовлении пленкообразующих растворов далеко не все растворители могут быть использованы. Часть из них не дает хорошей смачиваемости поверхности стекла, другие обладают слишком высокой температурой испарения. Растворитель и продукты гидролиза, не входящие в состав пленки, должны быстро испаряться при комнатной температуре. Выполнение этого условия особенно существенно при нанесении двух- или многослойных покрытий, когда необходимо быстрое закрепление нижележащего слоя. Такие растворители, как диэтиловый эфир или бензол, не могут быть использованы из-за незначительной диэлектрической постоянной. Поэтому диссоциация алкоксисоединений в них практически не протекает. Установлено, что наиболее подходящими растворителями являются этиловый спирт и ацетон, содержащие незначительные количества воды.

Для получения пленки с хорошими свойствами, исходные пленкообразующие растворы должны обладать особыми физическими и химическими свойствами. Достаточно высокая растворимость исходных соединений и одновременно минимальная склонность их к кристаллизации при испарении растворителя. Этим

условиям принципиально удовлетворяют вещества, которые в растворе находятся в коллоидном или полимеризованном состоянии или переходят в такие состояния в результате реакции с растворителем.

В общем виде сущность образования пленок состоит в том, что химический состав исходных пленкообразующих соединений претерпевает ряд изменений: сначала в растворе, затем в момент формирования пленки на поверхности стекла (или другого материала) и, в конечном итоге, при термической обработке.

СОВРЕМЕННЫЙ МЕТОД ПОЛУЧЕНИЯ НАНОМАТЕРИАЛОВ

Боковикова Т.Н., Двадненко М.В.,
Привалова Н.М., Привалов Д.М., Новицкая К.З.
Кубанский государственный технологический университет, Краснодар, e-mail: amra@ok.kz

Для получения новых и улучшения свойств традиционных материалов, в последнее время, широкое распространение получил золь-гель метод. Получение пленок по данной технологии на поверхности стекла из растворов гидролизующихся соединений было впервые осуществлено по предложению академика Гребенщикова И.В. Первыми химическими соединениями, из растворов которых удалось получить практически ценные тонкие прозрачные пленки, оказались соединения кремния. Была выявлена возможность получения тонких пленок на поверхности диэлектриков – разнообразных стекол, кварца, кристаллов и полупроводниковых материалов. Полученные пленки отличаются высокой прочностью и термостабильностью и могут быть образованы из веществ различных классов химических соединений. При этом особое внимание уделяется веществам, склонным к гидролизу в присутствии ничтожных количеств воды или водяных паров.

Золь-гель технология имеет много преимуществ: высокую химическую однородность многокомпонентных систем; высокую поверхностную энергию гелей или порошков, что способствует понижению температуры спекания; высокую химическую чистоту реагента; возможность получения продуктов в виде волокон, порошков, пленок и микросфер высокой чистоты и однородности; возможность осуществления